

Ло Кайцзюнь вдруг замолчал, растерянно посмотрел на брата и, продолжая держать руку Мужун Цзю, ухмыльнулся и снова заговорил.

Мужун Цзю почувствовал, как сердце его заколотилось, и пристально уставился на розовые губы Ло Кайюя.

— Если так, то мы не будем тебя провожать, — с улыбкой сказал Ло Кайцзюнь. — Будь осторожен, двоюродный брат.

— ...Будь осторожен, и не забудь завтра прийти вовремя, — рассеянно добавил Ло Кайюй, затем схватил Ло Кайцзюня за руку.

Мужун Цзю поспешно согласился, а затем наблюдал, как Ло Кайюй уводит Ло Кайцзюня. Ему даже показалось, что он услышал жалобу Ло Кайюя:

— Брат, ты опять за своё!

На виске Мужун Цзю выступила капля пота, и с выражением облегчения на лице он повернулся и пошёл по дорожке, выложенной серым камнем, не обращая внимания на изящные искусственные горки и ручьи вокруг. Вскоре перед ним появились красные ворота.

Мужун Цзю уже думал о том, как подробно рассказать Шао Циханю о сегодняшних событиях, как вдруг в поле его зрения мелькнула белая фигура. Присмотревшись, он узнал Ло Кайхуэй, которая ушла раньше.

На лице Ло Кайхуэй, обычно спокойном и нежном, не было ни тени эмоций, но в её прекрасных глазах читалось беспокойство. Она пристально смотрела на Мужун Цзю и тихо сказала:

— Иди за мной, быстро!

Мужун Цзю не мог отказаться и последовал за ней. Они шли по едва заметной тропинке, петляя между деревьев, пока не оказались в глухом уголке, заросшем сухими листьями и сорняками. Мужун Цзю даже не подозревал, что в усадьбе семьи Ло есть такое место.

— Что случилось? — тихо спросил он, когда они остановились.

Ло Кайхуэй не ответила, лишь нахмурилась и топнула ногой, погружённая в размышления.

Мужун Цзю невольно посмотрел на её ноги.

В помещении было тепло, и Ло Кайхуэй могла позволить себе надеть платье, но на улице температура резко упала, и она, несмотря на накинутую толстую куртку, всё ещё была в платье. Теперь небольшая часть её белой ноги была открыта, и, должно быть, она замерзла.

Возможно, из-за холода, а может, из-за того, что она не хотела, чтобы их нашли, Ло Кайхуэй

быстро прекратила размышления. Она подняла глаза на Мужун Цзю, всё ещё сомневающегося, и снова тихо спросила:

— Ты завтра придёшь в дом Ло?

Мужун Цзю сделал паузу и ответил:

— Конечно, приду.

— Не обращай внимания на все эти церемонии, — холодно сказала Ло Кайхуэй. — Разве ты не понимаешь, что имеют в виду мои братья?

Мужун Цзю вздохнул:

— Именно потому, что понимаю, я и приду.

Услышав это, выражение лица Ло Кайхуэй наконец изменилось. Она напряглась, а затем с раздражением сказала:

— Не ожидала, что у тёти будет такой глупый сын!

Мужун Цзю был ошеломлён этим неожиданным сарказмом. Он моргнул, пришёл в себя и ответил:

— ...Я хотел сказать... эм... я не хочу поступать так, как хочет твой брат.

Ло Кайхуэй немного смягчилась. Она не обратила внимания на скрытые эмоции в голосе Мужун Цзю и продолжила быстро и тихо:

— Возможно, ты просто не хочешь жениться на женщине по принуждению, но если Ло Кайцзюнь озвучит свои обещания — хм, так называемое приданое... никто не устоит. Но сейчас я скажу тебе две вещи... которые Ло Кайцзюнь точно не хочет, чтобы ты знал.

Мужун Цзю только хотел что-то сказать, но слова Ло Кайхуэй привлекли его внимание, и он на мгновение забыл о неприятных ощущениях, вызванных её предположениями.

— Я всегда была слаба здоровьем, но, как говорится, «долгая болезнь делает из больного врача». Я узнала то, что они от меня скрывали... Моё тело не способно выносить ребенка... Так что не думай, что, женившись на мне, ты сможешь иметь сына...

Мужун Цзю был потрясён. Он предполагал, что Ло Кайхуэй объяснит, почему она не хочет этого брака, и думал, что причина будет вроде: «Я люблю другого» или «Я не хочу выходить за незнакомца». Но он никак не ожидал, что она так прямо расскажет о своём физическом недостатке.

Эта девушка была настолько смелой, что её трудно было представить как изнеженную барышню, выращенную в тепличных условиях.

— И ещё... — Ло Кайхуэй снова подняла глаза на Мужун Цзю, но на этот раз не отвела взгляда. В её чёрных глазах читались сомнение, борьба, жалость, но в конце концов они застыли в решимости.

Сердце Мужун Цзю забилось ещё быстрее, но не из-за того, что прекрасная женщина смотрела на него с таким вниманием, а потому что он смутно чувствовал — то, что она сейчас скажет...

— Эта болезнь передаётся в нашей семье из поколения в поколение... Моя тётя, твоя мать... умерла так рано именно из-за неё!

Эти слова Ло Кайхуэй были подобны камню, брошенному в спокойное озеро сердца Мужун Цзю. Но если бы кто-то подумал, что этот камень лишь издаст звук и исчезнет, то он был бы далёк от истины. Этот камень вызвал в душе Мужун Цзю настоящую бурю.

Его сердце уже не было спокойным, но на лице сохранялась невозмутимость. Он выглядел настолько спокойным, что казался глупым, и тихо спросил:

— Ты... что сказала?

Ло Кайхуэй, глядя на него, снова прикусила губу. Она отвела взгляд и тихо сказала:

— Тётя тоже...

— Малышка, — вдруг наклонился Мужун Цзю, положив руку на плечо Ло Кайхуэй.

Он улыбнулся, и его голос стал ещё мягче:

— Врать — это нехорошо.

Ло Кайхуэй вздрогнула и отстранилась, избегая его правой руки. Она уже была раздражена, но сдержала часть своего гнева:

— Мужун Цзю, сколько ты ещё будешь обманывать себя? У меня нет времени играть с тобой в эти игры!

С этими словами она повернулась, чтобы уйти, но Мужун Цзю крепко схватил её за запястье.

Ло Кайхуэй попыталась вырваться, но силы Мужун Цзю были ей не по зубам, и она только сердито посмотрела на него.

Мужун Цзю, держа её тонкое запястье, холодно сказал:

— Объясни всё до конца.

Ло Кайхуэй, хотя ей было больно, сохраняла такое же бесстрастное выражение лица:

— Отпусти!

Они замерли в этом противостоянии, пока Мужун Цзю снова не улыбнулся, словно весенний цветок. Он отпустил её и мягко сказал:

— Ах, прошу прощения.

— Прощения? — Ло Кайхуэй потерла своё покрасневшее запястье и саркастически сказала:

— Как красиво сказано.

Мужун Цзю молча смотрел на неё с лёгкой улыбкой, не реагируя на её насмешку.

Ло Кайхуэй, не видя другого выхода, достала из кармана куртки тонкий лист бумаги и протянула его Мужун Цзю.

Тот взял его, быстро пробежал глазами, и его лицо, как стекло, разбилось на тысячи осколков. Он смотрел на этот пожелтевший лист, словно на заклятого врага.

— После смерти тёти большинство её вещей перевезли в дом Ло. Это письмо — её рука... — Ло Кайхуэй, глядя на Мужун Цзю, уже не была так зла. Она вздохнула:

— Если ты сомневаешься в подлинности почерка, можешь попросить кого-то сравнить. Я больше ничего не скажу.

Ло Кайхуэй положила руки в карманы и повернулась, чтобы уйти. Сделав несколько шагов, она остановилась и, не оборачиваясь, тихо произнесла:

— И ещё один совет: не делай работу за других.

С этими словами она ушла, шагая по сухим листьям и веткам, пока не вышла на дорожку, где её встретила служанка.

— Мисс, где вы были? — девушка с румяными щеками и двумя косичками с беспокойством подошла к ней. — Старший брат искал вас.

— Мне было душно, я немного подышала воздухом во дворе, — спокойно ответила Ло Кайхуэй, продолжая идти.

Служанка, следуя за ней, с лёгким упрёком сказала:

— Мисс, вам нельзя простужаться! Даже если душно, не стоит так рисковать!